

мучителем предаваше. И властолюбив велми бываше, и начальников всего Российского государства и воевод, вкупе же и всех людей московского народу, подручны себе учини, якоже и самому царю во всем послушну ему быти и повеленное им творити“.¹

Остались чужды этой характеристики Бориса лишь „Иное сказание“, испытавшее влияние второй редакции Хронографа, но в своей начальной части более всего зависящее от „Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов“,² и, во-вторых, — „Сказание“ Авраамия Палицына, в основной своей редакции, составленной еще до 1617 г.

Проблема человеческого характера встала, таким образом, перед писателями первой половины XVII в. во всей ее сложности. Ее постановка повлекла за собой пересмотр многих основ средневековой оценки исторических явлений, средневековых исторических воззрений в целом. Самое зло и добро в применении к человеческому характеру оказались относительными. Эту мысль прямо декларирует автор второй редакции Хронографа, поясняя, что от зла может произойти добро, а от добра зло: „Бывает бо по случаю и пельнная лютость врачевания ради недуг в достохвалных словесех приобношается, тако же и от сеговыя злобы произыде доброта“.³

Замечательно, что характеры исторических лиц показаны в произведениях о „Смуте“ не изолированно. Они раскрываются в связи со слухами о них, в связи с народной молвой. В летописи не встречается передачи разных точек зрения на события, не согласных с авторской, характеристик не авторских. Между тем, авторы исторических произведений о „Смуте“ постоянно ссылаются на различные слухи, разговоры, толки, отчетливо осознавая значение „общественного мнения“.

Автор второй редакции Хронографа ссылается на разговоры о ссылке Нагих в Углич,⁴ об убийстве Борисом царевича Дмитрия,⁵ о поставлении Филарета Никитича,⁶ и т. д.

Характеры исторических лиц показаны на фоне народных толков о них. Вот как характеризуется, например, Самозванец: „глаголаше же о нем мнози, яко по всему уподобитися ему нравом и делом скверному законопреступнику нечестивому мучителю царю Иулиану“.⁷ Передается и мнение народа о сыне Бориса Федоре Борисовиче: „о нем же мнози от народа тайно в сердцах своих възрыдаша за непорочное его житие“.⁸

¹ Там же, стр. 563.

² Точку зрения Е. Н. Кушевой на это произведение, как на основу для позднейшей „Повести 1606 г.“, известную только в составе „Иного сказания“, считаю доказанной („Из истории публицистики Смутного времени XVII в.“, Уч. зап. Саратов. унив., т. V, Саратов, 1926).

³ А. Попов. Изборник, стр. 193.

⁴ Там же, стр. 186—187.

⁵ Там же, стр. 188 и 189.

⁶ Там же, стр. 189.

⁷ Там же, стр. 192.

⁸ Там же.